

* * *

Родина — лофт для волка.
Сдул звезду суховей.
Каплет из крана Волга.
Спит в часах соловей.

Старых овец постригли.
Новые — под ножом.
Церковь как индустрия.
Вечный огонь — Газпром.

Просит поэт морошку.
Дождик идет косой.
Катится понарошку
Русское Колесо.

* * *

Б. Б.

Все по делам теперь ушли.
Вдруг стало тихо и тревожно.
Зато здесь музыку земли
Услышать можно.

Упало облако ничком
И в отражение не верит.
Лиши ветер трогает смычком
Холмистый берег.

Гуляет дождь по волнам ржи —
Слепой кочевник.
Блажен, кто ухо приложил
К земле вечерней.

Он от уныния спасен.
Он замер, грешный,
И слышит тайный перезвон
И хор нездешний.

Над ним журавль крыло занес,
Как лист бумажный,
И лес ключицами берез
Скрипит протяжно.

И ночь рождается вдали.
И есть минута,
Когда вдруг музыка земли
Под сердцем будто.

* * *

В чернике мы лежим в черновике.
Мы часть полночной выдумки поэта.
Там кто-то третий замер вдалеке.
Он целится в Луну из пистолета.

Какой теперь случится поворот?
Луну река перенесла направо.
И дождь пошел. И вместе с ним идет,
Тот, кто шуршит плащом по мокрым травам.

Пылит волна сиреневым свинцом.
И этот третий к нам теперь стремится.
Он зеркалом закрыл свое лицо.
И мы в нем отражаемся, как птицы.

Мы в нем летим судьбы наискосок.
Друг в друга зарываясь, будто в дюны.
Колечко обронила ты в песок.
И в пояс поклонилась звездам юным.

Продли нам, автор, горький поцелуй,
Спрячь от ревнивца, что стоит так близко!
Судьбы раздельной нам не наколдуй,
От аспида храни и василиска!

Мы замерли. Мы пьем зеленый свет,
Мечты отдав небесному корыту.
Ты нас придумал, ветреный поэт,
Теперь не оставляй финал открытым!

Твой взгляд горяч, твой почерк серебрист,
Твоя душа богата парусами!
Перенеси же нас на чистый лист!
А там уж мы спасаться будем сами!

Мы сами все решили, а не ты!
Мы новый поворот придумать в силе!
Верни нас из черничной красоты!
Да хоть на снег, но чтоб мы вместе были!

Сквозь ночь ведет писателя язык.
И так возможен рай, и пахнет адом:
Черника. Ночь. Чернильный черновик.
Они вдвоем. И кто-то третий рядом.

ЛЕТНИЕ ФОТОГРАФИИ

С онемевшою азбукой
Несогласные буквы,
Мы у неба за пазухой,
Семенами набухли.

Фотографии в сепии.
В рыжем озере ялик.
И теперь мы нелепее
Опадающих яблок.

Все губами, как маками,
Прислонялись к живым.
Нас карнизы оплакали
Молоком дождевым.

Еще зелень дубрав густа,
И обнявшись в ночи,

Мы на празднике августа
Листопадом горчим.

Высекаем пророчества,
Раздаем бересту,
Присягнув одиночеству
На Успенском посту.

В нас поэзия врезалась,
Как в стекло белый зверь.
Отрицательным резусом
Кровоточит теперь.

Нам бы петь колыбельные
И любить напоказ,
Фонари корабельные
Голосуют за нас!

И луна здесь растущая,
И озера под ней...
Но есть что-то зовущее
Все сильней и сильней.

* * *

В животе у кита,
на котором лежит
Земля
Непечально живет
всех ушедших людей семья.
Здесь матросы
с «Варяга»,
индийские племена, здесь Гомер,
Че Гевара,
Бах,
и всегда весна.

В животе у кита,
на котором лежит Земля,
Пишет новый французский эпос Эмиль Золя,
Циолковский скальпелем режет кишки небес,
Здесь Мария Каллас — Алиса в Стране чудес.

Для шахтеров небо в алмазах дает угля
В животе у кита, на котором лежит Земля,
Здесь твои прабабушки вяжут огромный шарф,
Здесь Серванtes с Пушкиным выпьют на брудершафт.

Для крестьян плодоносят вечно теперь поля
В животе у кита,
на котором лежит Земля!
К рыбакам прилипают рыбы,
к цветам шмели,
И Рублеву разводят краски вином Дали.

Помирились враги, обучаясь любви с нуля,
В животе у кита,
на котором лежит Земля,
Здесь для каждого нелегала есть свой сарай,
И свое здесь солнце,
и свой здесь
солдатам рай.

И гремит у бездомных поэтов
в карманах медь,
Они ходят по свету, как будто исчезла смерть,
И Есенину ослабляет петлю Рембо,
И на ослике к ним приезжает под утро Бог.
Сообщает,
что здесь их поэмы нужней, чем там...
И они отвечают: «Мы веруем, Капитан!»

Ной в своем батискафе
опять обогнул Казбек,
С потолка Микеланджело сыпется русский снег,
И с Ландау играет в шахматы Еврипид,
А над крышей Большого Уланова все парит.

И не в том ведь дело, что кровью писал Басе,
А лишь в том, что мы все молекулы — вот и все.
Так волшебные птицы клюют под собою сук,
Так луна себе ухо Van Goga пришила вдруг.

Мы блокадники, партизаны, мы неба дно,
Мы деремся и спорим, язык проглотив родной.
А потом Капитан скомандует «от винта»,
И мы все попадем навечно в живот кита.